

Уже трудно представить себе, каким обычным и в то же время «высокосветским», что ли, видом отдыха буквально несколько десятков лет назад были летние круизы по Волге на теплоходах от Москвы до Астрахани и назад. Билеты и путёвки на эти туры закупались загодя, ещё зимой. И компании на эти двухнедельные путешествия подбивались заранее, с прицелом на совместный отдых.

Долго не уходили на вечный покой в речные затоны легендарные колёсники «Спартак» и «Володарский», которые давным-давно, ещё в царское время, носили имена расстрелянных впоследствии великих княжон. Продолжали они радовать приверженцев старины и поражать своих обитателей роскошью: панелями из красного дерева, бронзовыми ручками и перилами, венецианскими зеркалами, ковровыми дорожками, хрусталём, фарфором и «варшавским серебром» в ресторанах. (Помните «Ласточку» из «Жестокого романса»?) Мнилось действительно что-то царственное в их благородных удлинённых телах и в «сиянии», с уже советскими звёздами в центре полукружий, закрывающих шлёпающие по воде плицы.

Но и они ушли в затоны навсегда. А с ними отправились отдыхать ещё десятки пароходов, помельче, которые теперь используются, только когда их беспокоят кинорежиссеры: для съёмок в своих исторических фильмах.

И сразу же на волжские просторы буквально выпорхнули новые бело-снежные чехословацкие, немецкие, австрийские двух-, трех- и четырёхпалубные лайнеры. Дизельные красавцы, они почти бесшумно засколь-

зили вдоль зелёных лугов, заросших соснами гор, ковыльных степей, по-прежнему так же поражая, но уже в новом духе, и современным стилем, и комфортабельностью не только своих пассажиров, но и жителей сотен палаточных городков, выстававших летом на песчаных волжских берегах.

И часто непонятно было, кто кому больше завидует: пузатые ли дяди в белых шляпах, сетчатых маечках и парусиновых штанах, подглядывающие, облокотившись на палубные перила, на весёлые дымки прибрежных костров, или бородатые доценты и студенты, хлебающие из котелков только что сваренную щучью уху у своих палаток и слушающие, как «девчонки танцуют на палубе».

За Волгой тогда ещё ухаживали – было генетическое понимание, что река – кормилица. И чистили фарватер её речными дноуглубительными снарядами, то есть землечерпалками, если попросту, чтобы не заиливалось дно и чтобы питали родники жизнь речную. А ой как сохранялись прибрежные рощи, леса и боры – упаси бог вырубать их и трогать, от них зависела полноводность речек и безымянных ручьёв, питающих Волгу. Так и осетры, и белуги многопудовые тогда, пока не было и в помине Волгоградской, Чебоксарской и Горьковской плотин, гуляли по всей Волге от Ярославля до Астрахани.

Совсем недавно так было.

Капитан-наставник Николай Алексеевич Сорокин только с виду казался жестким и суровым – голос у него был командный, а сам он был маленьким, добрым и совершенно лысым; потому и форменную фуражку свою капитанскую предпочитал не снимать и в дождь, и в солнцепек. Он отправлял в очередной круиз Горький – Астрахань один из лучших теплоходов пароходства «Дмитрий Донской».

Капитан теплохода Иван Тихонович Горохов был его ровесником, да и односельчанами они были – оба из села Кадницы. Село это знаменито на всю Волгу: стояло оно на высокой зелёной горе, и про него поговаривали, что «здесь в каждом доме вырос капитан». Горохов в противовес Сорокину был мужчиной рослым, стройным, с выправкой завидно-показательной.

Хотя и были капитаны оба уже давно городскими жителями, помнили они свои корни и гордились своим происхождением. Они вдвоем стояли на капитанском мостике и дружески беседовали, встречей же гостей у трапа занимался старпом Свиридов Герман Григорьевич. С виду старпом был строен, подтянут и улыбочив.

Сорокин неслучайно приехал проводить теплоход в круиз, был у него личный интерес, даже не интерес, а задание для капитана Горохова: отправлялись этим рейсом до Астрахани два его двоюродных брата и племянник на рыбалку, на пару недель отдохнуть в заказник, точнее в заповедник, в волжскую дельту; и хотелось Сорокину, чтобы в пути о его родственниках кто-нибудь из экипажа позаботился особо.

– Иван, как я тебе уже говорил – это мои родные и близкие, очень близкие люди, а племянник Алик прямо как сын мне. Сделай для них всё. Сейчас они подъедут, и я тебя с ними познакомлю. Чтобы не тратиться, они купили билеты в третий класс, но ты, надеюсь, что-нибудь для них попримечнее подберешь! Они братья: Алексей Александрович – профессор из университета, биолог, а Александр Александрович – крупный инженер, на каком-то «ящике» засекреченном работает, а на каком, нам с тобой лучше и не знать.

– Коля, твои двоюродные братья уже на теплоходе, их боцман определил в мою капитанскую каюту и сейчас размещает – хватит им там

места, а я же не пользуюсь ею никогда. Есть у меня свой куток, к которому я привык, не буду тебе говорить какой, а то начнешь ещё, чего доброго, в свои должностные права вступать и ревизии проводить на ходу. А твой племянник Алик – я с ним уже познакомился. Не он ли на швартовочном кнехте там, на нижней палубе, сидит?

– Ага, это он! Так спасибо тебе за оперативность, за поддержку. Пойду я тогда к братьям, попрощаюсь, а потом к тебе снова поднимусь.

– Не ходи никуда – как только они обустроятся, их боцман мой Боря сюда приведёт. Вон смотри, какая фифочка из белой «Волги» вышла сюда к нам на борт поднимается. Да и сопровождающий-то у неё так себе, ничего выглядит. Старый только, по-моему, для неё. Дочка, может?

– Да, тут есть на что посмотреть. А знаешь – это ведь Мальвина Леонидовна, она действительно молода для этого старого хрыча, ей немного за тридцать, и она вдова генерала Бургомистрова. А с ней этот старый пенёк – брат генерала, и тоже вдовец, и тоже генерал, но в отставке, он в Астрахань, домой, едет. Рассказали мне про них, когда они круиз заказывали. У них каюта-люкс, должно быть?

– Да, второй люкс ихний. Теперь я знаю, о ком ты говоришь.

– Говорили, что она подумывала – не выйти ли ей замуж за второго брата, но присмотрелась и решила, что он действительно староват.

– И что же, что староват? Молодых, что ли, нет рядом для этого-то дела?

– Нет, не в том даже смысле, не в постельном, а в том, что как бы не пришлось потом всю оставшуюся жизнь за больным ухаживать. Знаешь, я недавно тут задумался, хотя, может, нам с тобой и далеко ещё до этого, что красиво стареть надо тоже уметь – не у всех это, красиво в смысле, получается. Даже больше скажу: красиво – это когда старик со старухой вместе стареют.

– Да, хороша! Интересная дамочка! Я думаю, что мой старпом Герман Григорьевич не пропустит её – он большой дамский угодник.

– А что, вообще он тебя устраивает, твой старпом? Я о нем разное слышал.

– Как тебе сказать! Он, этот Свиридов, сделан из стали и говна: на работе он точен, аккуратен, придирчив и требователен – и днем и ночью на посту. Ему по службе можно поручить всё что хочешь и не волноваться за исполнение, а вот в житейских вопросах, в быту, он полон подлостей, предательства и эгоизма, и я не знаю, как к нему относиться, если честно.

Мальвина Леонидовна в тот момент поднималась по трапу, и старпом как-то неловко, по-мальчишески восторженно, подался вперед, чтобы прислужить интересной дамочке.

Она была хороша: росту небольшого, фигурка точеная, высокая причёска, прикрытая зелёной шляпкой с вуалеткой, открывала маленькие ушки-ракушки, а при ходьбе живой моторчик, который у женщин внутри, так вращал упругую попку, что заглядывались на это дело не только взрослые мужики.

В тон зелёной шляпке фисташковое крепдешиновое платье, легкомысленно ласкающее её призывно возбуждающую фигурку, и миниатюрные босоножки цвета глубокой морской волны на каблучке...

Да, в общем, что тут говорить! А интересная заманчивая дамочка уже скрылась в недрах теплохода «Дмитрий Донской».

– Ты знаешь, Коля, – обратился капитан судна к капитану-наставнику, – вот который год наблюдаю: многие мои пассажиры-гости покупают билеты именно на «Дмитрия Донского». Ну что, нет других хоро-

ших теплоходов, что ли? Я ведь многих из наших пассажиров, которые пойдут сегодня с нами, уже знаю. Я бы на их месте, наоборот, каждый год на новом корабле ходил отдыхать для интереса или разнообразия, а они все равно – именно со мной и на последний летний рейс. Вон видишь – по набережной идут, к нам направляются три мужика с рюкзаками, четвертого что-то пока я не вижу. Они уже который год подряд со мной в конце августа этой компанией, вчетвером, ходят. Думаешь, что у них в рюкзаках? Тридцать бутылок водки! Три ящика водки на четверых! Они будут играть в преферанс все две недели и даже ни разу не выйдут в город – ни в Казани, ни в Куйбышеве, ни в Астрахани. Они две недели будут пить водку и играть в преферанс.

Первый раз я их заметил четыре года назад: за две недели только один из них в Казани сошел на берег: постоял, пошатался около трапа минут с десять и снова на борт. Так две недели в каюте и сидели – в карты играли и водку свою пили. А в прошлом году их не смогли выгнать в Астрахани с судна, даже когда мы пошли в затон на бункеровку. И последнюю бутылку водки они выпили, когда на траверсе показался Горький, прямо напротив трамплина, стоя на палубе, на корме и выпили. Такой отдых!

Поднялись на мостик братья двоюродные Николая Алексеевича, было им лет по сорок с небольшим, и видно было, что они братья, а вот кто из них старше, а кто младше – не поймешь, хотя видно, что не близнецы. Капитан-наставник представил их капитану Горохову и племянника своего Алика тоже представил.

– Иван, надеюсь, что моя родня не доставит тебе много хлопот. А про Алика отдельно: покажи ему, что такое фарватер и как по створам ходить, и вообще – дай штурвал в руки, чтобы почувствовал корабль.

– Коля, по-моему, тебе уже пора! Что ты учишь меня? «Прощание славянки» сейчас заиграют, а ты ещё на мостике.

– Учю – так на то я и капитан-наставник. И пока я на судне, никто швартовы не отдаст. Мне ещё сегодня на Горьковское море ехать, на базу в Троцу – Ростислав Евгеньевич Алексеев там проводит первые испытания боевого экраноплана «Орленок», я там член комиссии. К «Ракетам» и «Метеорам» мы уже привыкли, а то, что он сейчас делает, это же просто чудеса: это – боевые корабли будущего. Ты ведь знаешь Алексеева?

– Да, конечно, я с ним ещё до войны пацаном под парусом ходил.

2

Алику было тринадцать лет, он перешел в седьмой класс, и кроме рыбалки у него было дополнительно такое количество увлечений или интересов, что лучше не тратить время на перечисление – его интересовало буквально всё. С первых минут, оказавшись на борту «Дмитрия Донского», Алик задружился с боцманом дядей Борей, который сунул ему в руки половинку батона хлеба сразу после отвального гудка теплохода и на недоуменный взгляд мальчика сказал:

– Иди на корму и покорми чаек. Бросай маленькими кусочками в воздух – они хватать на лету будут. Иди, покорми, – чайки с нами до конца, до самой Астрахани полетят.

Из рупора разносился старинный русский марш, теплоход с небольшим креном развернулся на плёсе Стрелки и пошёл вниз.

Не только два капитана и старпом обратили внимание на хорошенькую дамочку, оказавшуюся на борту «Дмитрия Донского», – мальчик

Алик тоже успел бросить взгляд на неё, и лёгкий интерес занозой застрял в памяти подростка.

Теперь он стоял на корме верхней капитанской палубы и бросал в воздух небольшие кусочки мякоти батона, чайки в драку, с криками, кувыркаясь в воздухе, бросались за хлебом, хватали, взмывали в небо и снова, старательно ворочая крылья, догоняли судно и тянулись за ним.

– А дай мне кусочек, я тоже хочу попробовать, – произнес за спиной очень вкрадчиво и тихо высокий женский голос.

Алик повернулся и увидел её, ту самую дамочку, которую заметил ещё при посадке. Его как будто окатило жаром.

– Меня зовут Мальвина, а ты можешь звать Лина. А тебя?

– Я – Алик, – ответил Алик и покраснел почему-то, протянув батон дамочке. А ещё – ему почему-то захотелось убежать.

– Тебе сколько лет?

– Тринадцать, – ответил Алик и ещё глубже покраснел, хотя глубже уже было некуда.

– О-о, ты скоро уже станешь мужчиной, – улыбнулась дамочка, отщипнула какую-то крошку от батона и потрепала Алика по голове.

Алик был небольшого роста, но дамочка эта Мальвина была уж совсем миниатюрная, и потому издали они были похожи на ровесников. Он поднял голову и неожиданно увидел её глаза почти напротив: в них застыл почему-то испуг, губы улыбались, а в глазах испуг. Светло-зелёные испуганные глаза.

Поклонников у интересной дамочки оказалось на борту больше чем достаточно, и она сразу стала одним из центров внимания и притяжения с утра до вечера: молодые люди играли ей на гитаре и на фортепиано, собравшись в кают-компаниях, учили играть в карты, наперебой приглашали её на тур, участвуя в ежедневных вечерних танцах на палубе.

Как ни странно, но среди такого большого количества пассажиров были ровесники Алика, но не сдружился он почему-то ни с одним, не срослось что-то. Однако и без друзей было ему чем заняться.

Во-первых, машинное отделение с огромными металлическими валами, шатунами, штангами, грохотом, запахами горелого машинного масла, горячего металла и ощущением всего этого огромного подпалубного пространства, заполненного мощью работающих дизелей. Там всё надо было изучить и запомнить.

Во-вторых, капитанская рубка, тоже много интересного и важного. Как и по какому принципу выставляются красные и белые бакена? Как не свалиться с фарватера, когда идешь по створам? Как учитывать парусность ветра и силу течения? Как разглядеть новые перекаты и отдели? В общем, вопросов много.

И если завтрак, обед и ужин по распорядку, как в пионерском лагере, и даже столы закреплены за всеми пассажирами постоянные, то на берегу – каждый себе хозяин. Хочешь – с экскурсией по городу, хочешь – в книжный магазин, а нравится, так в зоопарк иди. Каждый день – новый город: Казань, Ульяновск, Куйбышев, Саратов. На все экскурсии Алик с папкой и дядькой ходили втроём, а в Волгограде так ещё как повезло: в местном магазине «Охотник» были куплены для Алика настоящие рыбацкие японские сапоги с высокими голенищами и ремнями для крепления к поясу, тонкие, на рифлёной подошве, тридцать седьмого размера.

На борту каждый вечер музыка и танцы – тоже неплохо! А вот масовик, который в кают-компаниях по вечерам анекдоты и истории рассказывает, – чистый идиот. И те, кто его ходит слушать, – тоже идиоты,

потому что ничего смешного в его историях нет, а он смеётся – и все за ним смеются.

На танцы Алик не ходил, но всё же один раз попался. Пролезал он с внешней стороны переборки палубной, да и вылез на ту самую импровизированную танцплощадку, на которую не ходил. А тут – Мальвина, Лина в смысле, подхватила его, обняла крепко и шепчет, касаясь губами уха:

– Выручай, потанцуй со мной, а то этот старпом просто запреследовал меня, проходу не даёт.

Прижала она к себе Алика плотно и повела в центр танцующей палубы. Алик чуть не задохнулся.

– Лина, да отпусти ты немножко меня – я же задыхаюсь. И пахнет от тебя.

– А чем же пахнет? Женщиной, наверное, пахнет? От тебя мальчиком, а от меня женщиной. От твоей мамы разве не так же пахнет?

– Нет – от мамы пахнет «Красной Москвой», а от тебя по-другому.

– Ах, в этом смысле? Так мои духи называются «Шанель», они французские. А «Красная Москва» твоей мамы, они тоже когда-то были французские, и до революции назывались они «Сады императрицы» – их для нашей русской царицы французский парфюмер Брокар придумал. А теперь ты что-нибудь мне рассказывай – ты же мой кавалер, а то я снова тебя к себе прижму. Тебе нравится эта музыка?

– Нравится, я её умею играть на пианино, хотя правильно надо её играть на саксофоне или кларнете. Это «Маленький цветок», её написал Беше, джазовый композитор. Маленький Цветок – такая кличка была у известного чикагского бандита, для которого написана эта песня.

– Да? Вот уж интересно! Не знала такого! Вообще интересный ты мальчик, хочешь, я тебя усыновлю?

– Ты что, с ума сошла? У меня ведь и мама есть.

– Да, глупость сморозила.

– Ты сама должна себе нарожать.

– Нет, у меня детей никогда не будет.

– Что это?

– Болею я немножко.

– Так когда вылечишься – родишь.

– Ну, если так только. Да ведь у меня сердце слабое – клапана плохо закрываются, и я могу в любой момент... того... остановится оно...

Музыка кончилась.

– Пойдём, я тебя до каюты провожу, чтобы старпом к тебе не приставал!

Ещё с полчаса они стояли у палубных перил на корме, любясь красным закатом.

Что должно было случиться – случилось, и из песни слова не выкинешь. На другой день случилось.

Тогда Алик срочно решил проинспектировать спасательные шлюпки на борту. Он выяснил, что в них должно находиться, – оставалось проверить. Быстро съев в ресторане холодный свекольник и смолотив рис с жареной сомятиной, которые были на обед, Алик сунул в карман кусок хлеба и помчался на палубу.

Шлюпка была задраена брезентом, и как её открыть, было непонятно. Мало того, брезентовый чехол, затянутый талрепами, крепился к палубным специальным крючьям. Алик сумел пробраться под чехол, но разглядеть там в полумраке ничего мог, пока не нашел зазор, создаваемый двумя его крыльями. Он раздвинул их с трудом, так, что образовался небольшой

вертикальный просвет, – радостная и одновременно удивленная, на него смотрела Лина с капитанской палубы, чуть наклоняясь вперед и вниз.

Она ритмично покачивалась взад-вперед, а, увидев, а может, даже угадав, что там, из-за брезента выглядывает Алик, вдруг сильно и смешно выпучила глаза и медленно свела их в кучу, став косой, а потом высунула язык, как бы дразнясь, и достала им до носа. Это длилось где-то с минуту, и Алик ничего не понимал. Потом Лина начала постанывать, причём так же ритмично, в такт своим покачиваниям. Только тогда сквозь свою щёлку разглядел он, что сзади Лины стоял старпом Свиридов – это он и раскачивал интересную дамочку Мальвину.

Вдруг Лина, глядя прямо на Алика, прикусила язык, закрыла глаза и помотала головой из стороны в сторону. Алик понял этот сигнал как просьбу молчать, хотя он и так замер от неожиданного вида занятой своим делом пары в пяти метрах от него. Но он всё же отпустил створки брезента, образующие щель, и бросился в каюту.

Алик понял всё. И если с бабочками, курами и собаками ему было понятно, как и что, и видел он не раз и такие, и другие соития, то тут...

Позднее, к вечеру, у Алика поднялась температура до тридцати восьми, и по всему телу пошли красные шелушащиеся пятна. И папа Алика, и его дядя Лёша заволновались и вдвоём отправились к капитану. Тот, несмотря на поздний час, стоял в рубке. Выслушав гостей и совсем не смутившись, он поковырял пальцем в ухе и сказал:

– Найдите боцмана Борю и скажите ему. Он пришлёт к вам профессора Мурашко – не помню, в какой он каюте, и Мурашко всё решит. Кроме того что он профессор, он ещё и хороший детский врач. А пока не волнуйтесь. Знаете, чем удобны такие круизы? Тем, что всегда на борту есть три-четыре хороших врача. Надо только с самого начала их определить и зафиксировать. На всякий случай!

Всё оказалось проще простого.

– Это крапивница, – объявил детский врач Мурашко, – пусть завтра съест арбуз, из каюты никуда не выходит, послезавтра он будет здоров. Кто же тебя так напугал, мой юный друг?

Утром пришла Лина и принесла большую грушу.

– Прости меня, Алик. Это я так тебя напугала? Я исправлюсь, вот увидишь.

3

Мумра – посёлок в дельте Волги, значительно ниже Астрахани, почти на море. Тут гостей уже ждали. Реки Волги как таковой в дельте нет: она распалась на старицы, рукава, ерики, а самая большая протока, по которой суда шли в море, называлась даже не Волгой, а Бахтемиром.

Директор заповедника когда-то защищал кандидатскую диссертацию у Алексея Александровича, дядьки Алика, потому с радостью встретил в Астрахани своего бывшего научного руководителя с друзьями и на своем директорском канадском катере с восьмидесятисильным подвесным мотором доставил их до поселка. Там он устроил их на постой и дал своим подчиненным указания: во всем ублажать рыбаков и помогать им.

Посёлок был маленький, серый, пыльный, запущенный, и только вдоль берега под огромными раскидистыми ивами стояли несколько лодок да, к мосткам притороченные, болтались большие деревянные ящики рыбьих садков. Сомы на куканах возились под мостками отдельно каждый.

Первый день полностью ушел на инструкции и подготовку. Выяснили, что и где ловить, как спастись от комаров и чего опасаться на воде. Лодка с небольшим моторчиком была гостям выделена сразу же, и уже на второй день поехали со спиннингами ловить жерехов в промысловой яме, что была напротив песчаного островка в километре от посёлка.

Течение было сильным, и на поверхности воды не было видно всплесков от гуляющей крупной рыбы, лишь в осоке и камышах, что высились вдоль протоки, было видно редкое оживление, но это окуни гуляли.

То, что произошло в следующий час, запомнил Алик навсегда, да и его отец и дядька тоже: каждый третий заброс блесны был с уловом! Жереха были мерные: от двух до трёх килограммов. Вскоре за спинами рыбаков на песке лежало пятьдесят дохлых рыбин – центнер рыбы, которую ни продать, ни заготовить, ни скормить кому-либо. В Мумре даже свиньи рыбу не едят!

Шашлыки из севрюги – она попостнее, пельмени из белуги, икра чёрная – осетровая – каждый день на столе!

Хотя дохлой рыбой в дельте Волги трудно кого-то удивить. Уже возвращаясь в посёлок после рыбалки, увидели заезжие гости двух больших осетров со вспоротыми животами, сносимых вниз течением, – икру местные браконьеры из брюха выпотрошили в вёдра, а туши рыбы выкинули.

Решено было составить программу на две недели, чтобы был чёткий план мероприятий на весь отпуск, а назад – на том же «Дмитрии Донском», только следующим его рейсом.

Три дня потратили на поиск и ловлю сазанов. После повсеместного замора этой царской рыбы, стал золотой сазан редкостью даже в астраханском заповеднике. Нашли – поймали три штуки.

Сома, ловля которого была включена в обязательную программу, Алик тоже поймал немаленького – на восемь килограммов.

Ездили на поля лотоса, чтобы полюбоваться древнейшим символом красоты и мудрости, понюхать его и немножко поднабраться ума. Из созревших коробочек отцветших лилий выковыривали орешки величиной с лесной фундук – они были съедобны и специфического вкуса. Алик научился и орехи чилима есть, который рос здесь просто в изобилии.

Умопомрачительной была экскурсия на рыболовецкую тоню «Огневая-10», которую сотрудники научно-исследовательской лаборатории, расположенной на кордоне, регулярно навещали со своими научными целями, а тут для знакомства захватили и наших рыбаков. Повезло: перед самым приездом гостей была неводом поймана белуга на триста пятьдесят килограммов – она лежала на берегу. Голая, жирная, круглая, как бочка! Никаких шипов ни сверху, ни по бокам – прямо как большая-пребольшая свинья-свиноматка. Алик сел на неё верхом – его ноги не достали до земли, такой толстой она была. Хотя и потеря от этой экскурсии случилась: длинная и вся колючая севрюга килограммов на пять, которую Алик держал рукой за длинный шершавый нос, фотографируясь, махнула хвостом и распорол новый тонкий японский сапог своими бритвенными шипами, которые торчали у неё не только на спине, но и по бокам брюха. Обидно!

Возвращались назад на ставшем родным «Дмитрии Донском» – две недели пролетели, билеты были забронированы заранее, и Горохов

Иван Тихонович, капитан теплохода, ждал их. Он снова предоставил рыбакам свою каюту.

– Сразу говорю: икру, осетрину и воблу без моего ведома не покупать, – строго выговаривал капитан гостям, – придет мой человек, и мы с вами сделаем заказ. У меня тут всё проверено и схвачено. Арбузы и дыни возьмём в Ахтубе. Там у нас зелёная стоянка будет – надо же людям покупаться и на песочке поваляться. Туда и привезут местные колхозники нам арбузы прямо с бахчей, и всё самого лучшего качества.

Инженер и профессор только губы поджали.

– Дорогой Иван Тихонович, нас икрой и балыками так затарили в Мумре этой, в заповеднике, что мы не знаем, как до дому все подарки ихние дотащить.

– Понял. Больше этого вопроса не касаемся. Насчет арбузов – я всё доходчиво объяснил? Даже больше скажу: дадите мне заявку, кому и сколько арбузов, они все на бахчах Ахтубы одного веса – от двенадцати до пятнадцати килограммов. Таскать ничего не придётся – адрес мне запишите, и мой матрос всё вам сам подвезёт прямо домой.

– Это просто чудесно. По паре арбузов да паре дынь нам хватит. И хотелось бы ещё по паре килограммов воблы астраханской.

– Всё будет. Воблу сейчас привезут. Так что идите в каюту и отдыхайте.

Старшие улеглись в каюте, вытянув ноги, и сразу уснули. Алик же пошел проведать своего друга и наставника боцмана, дядю Борю. Тот был на месте и обнял своего старого знакомого. Договорились поговорить обо всем, что нового узнал и увидел необычного в астраханском заповеднике Алик, встретившись после отхода в рейс.

Теплоход был полупустой – все туристы гуляли в городе, закупали местные деликатесные рыбопродукты, арбузы, дыни, помидоры – как-никак конец августа. Пробежит какой-нибудь с парой дынь-торпед под мышками по трапу, а через минуту уже назад, вниз, снова в город, за новой добычей. Внизу, в третьем классе, в горячем железном чреве теплохода, куда Алик тоже успел заскочить, все коридоры и всё кормовое пространство уже завалены арбузами, и только хозяева сумеют тут разобраться, где чьё. Правда, некоторые фрукты были подписаны: кто-то по зелёной корке чем-то острым, может, гвоздём, буквы или цифры процарапывал.

Алик, облокотившись на перила, стоял на второй палубе, поглядывая на пустынную раскаленную набережную, когда почти к самым довольно шатким сходням дебаркадера, а трапом это устройство нельзя было бы назвать, подкатила черная «волга» с армейскими номерами. Водитель в форме с лычками старшины выскочил и поспешил, открыв переднюю дверь, помочь выйти даме. Потом, достав из багажника два объемистых саквояжа, перетянутых ремнями, подошел к ней и остановился рядом в ожидании. Дама медлила, будто была в чём-то не очень уверена, будто ждала кого-то.

Алик узнал её: это была та самая интересная дамочка Мальвина Леонидовна, или Лина. Он хотел броситься, чтобы поздороваться, чтобы помочь, но не успел – по сходням уже торопился, уже почти бежал к прибывшей гостье старпом Свиридов, весь такой элегантный и в то же время по-мальчишески услужливый. «Ну и чёрт с ними», – подумал Алик и плюнул сквозь зубы, красиво, как он это умел, длинной струйкой слюны за борт.

Что-то кардинально поменялось в Мальвине Леонидовне, появилось в ней что-то неспраздничное – это было заметно Алику даже на рассто-

янии. Хотя одета она была снова изящно, модно и безупречно: черная шляпка с белой каёмкой, черная с крупным белым горохом гипюровая блузка с укороченными рукавами и черная плиссированная юбка также с белой широкой нижней подшивкой. Несмотря на жаркую погоду, на даме были черные колготки с черными лакированными туфельками на коротком каблучке с белым ремешком. Набрасывает всегда, даже на хорошеньких женщин, некую печаль или траур такой наряд.

В первый день ни в ресторане, ни на палубе интересную дамочку Алик не разглядел. А интерес-то, любопытство изнутри молча свербели. Боцман дядя Боря поделился с Аликом: в Астрахани Мальвина Леонидовна десять дней пролежала в больнице с тяжелейшим сердечным приступом, а может, с гипертоническим кризом. Подробностей никто не знает, ушла она из больницы самостоятельно, на свой страх и риск, без разрешения врачей, чтобы побыстрее уехать домой.

На второй день дама выходила только на завтрак: выпила чашку кофе и потрепала Алика по плечу, печально улыбнувшись

– Ну, мы с тобой ещё поболтаем, – тихо произнесла она.

– Хорошо, поболтаем, – так же тихо ответил Алик.

Несмотря на то что каюты Алика и интересной дамочки располагались совсем рядом, почти напротив, его уже не так волновало существование Мальвины Леонидовны: повезло, на борту случился мальчик Кирилл, ровесник Алика, и надо было теперь ему подробно показать и всё устройство теплохода, и объяснить принципы прохождения судна по реке. А потом, в этот раз проходили волгоградские шлюзы на подъём – это тоже интересно.

Хотя Алик по три раза на дню интересовался у дяди Бори, который постоянно шастал к интересной дамочке, её состоянием, и спрашивал разрешения посетить Лину, боцман дядя Боря сурово отнекивался:

– Алик, Мальвину Леонидовну пока что в каюте навещать нельзя. Выйдет она на палубу – поболтаете. Женщины не любят, когда их видят больными. Женщина для желанного мужчины должна быть всегда здоровой и красивой или, по крайней мере, выглядеть таковой. А вот если больная женщина приглашает мужчину себя, больную, навестить, она либо кокетничает, либо хитрит, преследуя свои цели. Я ей уже говорил про тебя. Успокойся – она тебя позовёт не сегодня, так завтра.

– А как же ты?

– А я для неё – не мужчина. Я слуга и помощник!

– А старпом тоже к ней заходил – я видел.

– Старпом – тоже слуга.

Потом два дня Алик не видел Лину в ресторане.

И тогда он решился – гуляя по палубе, Алик подошёл к окошку каюты, полузакрытому деревянными жалюзи, прислушался и, поняв, что больная дамочка не спит, после приветственных пары слов решительно и даже настойчиво пригласил её покормить чаек. Удивительно, но она согласилась:

– Буду через двадцать минут. Иди, попроси у боцмана Бори кусочек хлеба.

Стояли на кормовой палубе. Вечерние чайки, уставшие за день, сидели на поручнях фальшборта, дремали и неохотно уже срывались за брошенным кусочком батона. Красное солнце сулило на завтра ветреную погоду. Алик притащил из вестибюля большое и удобное соломенное плетёное кресло для своей дамы. Она уселась и, как-то ужавшись, сказала:

– Садись рядом, пока ещё нам с тобой вдвоём хватит места в этом уютном кресле.

Алик уселся, и Лина обняла его за плечи. Кожа у неё на руках была тонкая-претонкая и прозрачная, даже все голубенькие жилки пульсирующие были видны. А ладонь Алика, которую Лина накрыла своей, была и больше и загорелой.

– Зря я согласилась на этот тур до Астрахани и назад. Только хуже всё получилось. Лечиться надо было! А для кого лечиться, скажи мне? Если нет никого на свете, кому я нужна даже здоровая. У меня же никого-никого нет!

– Почему? Неправильно это: если ты здоровая будешь – детишек нарожаешь или открытие какое-нибудь сделаешь, а вот больная... Тут твоя правда.

– Так, значит, ты думаешь, что сначала надо вылечиться, а потом придумать – кому я нужна?

– Конечно!

Прошли уже Казань.

Ночью Алик проснулся от тишины. Дизеля были застопорены. Слышался только редкий плеск воды о борт, легкое противное постукивание чего-то металлического о корпус и неразборчиво два мужских голоса. Алик прислушался, но ничего не понял, хотя что-то тревожное ему почудилось в этих тихих голосах и в самой тишине. Он открыл дверь и в трусах босиком на цыпочках вышел в коридор. В полумраке коридор вытянулся кишкой, и чуть моргали лампочки полусонного дежурного света. На дебаркадере освещение было поярче, и Алик разглядел вывеску – Космодемьянск.

– Капитан приказал освободить одну холодильную камеру для неё, в такую жару оставлять её в каюте нельзя, – услышал он откуда-то из трюма голос боцмана.

– Слово какое противное – «труп», – это уже старпом.

– Так другое слово придумайте, Герман Григорьевич.

– Я бы вообще безо всяких слов оставил бы её тут, в Космодемьянске, и все дела.

– Так капитан тоже так хотел, а местные сказали – везите к себе домой. Мол, медицинское заключение есть, милицейское есть, и все дела. Надо же – чуть-чуть недотянула до дома.

– Ты, дядя Боря, не откладывая в долгий ящик, прямо сейчас собери все её шмотки в те два больших баула и спусти тоже в трюм. Если что – отнекиваться будем, говорить будем всем, что в Космодемьянске сошла.

Утром снова светило солнце, играла весь день музыка. Никто вроде бы даже и не заметил потери одного пассажира.

А ещё через сутки пришли домой. Снова играла музыка. Целовались, прощаясь с новыми знакомыми, целовались с родными, встречающимися, заполнившими причальную площадку. Матросы с раздутыми мышцами в разноцветных майках и одинаковых пепельно-застиранных штанах таскали на берег мешками и авоськами арбузы и дыни – их тоже встречали. Алик с отцом и дядькой спустились по трапу на берег.

И только в трюме, в холодильной камере, лежала и никого не интересовала интересная дамочка.